

ВИНА МАКСИМА

Сегодня — 95 лет Борису Чиркову

Михаил Захарчук

Типажи

В СОВЕТСКОМ искусстве Борис Петрович Чирков достиг самых высоких, просто-таки сияющих вершин, на которые поднимались лишь с десяток самых-самых избранных деятелей той нашей тоталитарной культуры. Член КПСС, он был Героем Социалистического Труда, народным артистом СССР, лауреатом четырех Государственных премий СССР и премии РСФСР. Чирков избирался депутатом Верховного Совета СССР, Московского городского совета народных депутатов, исполнял обязанности первого заместителя председателя правления Всесоюзного театрального общества, был членом президиума Комитета по Ленинским и государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. Его наградили тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды. «Б.П.Чирков более шестидесяти лет вдохновенного и неустанный труд отдал театальному искусству и кинематографу. Он внес большой вклад в развитие социалистической культуры» — читаем в некрологе, подписанном всеми членами и кандидатами в члены политбюро ЦК КПСС во главе с Брежневым.

В этой партийной эпитафии не вся правда, поскольку вклад Чиркова «в развитие социалистической культуры» не просто большой — ни с каким иным вкладом другого деятеля не сравнимый в количественном (около полутысячи созданных образов) и в качественном измерениях. Но по непостижимым для нашего слабого ума закономерностям земного человеческого бытия и провинился поэтому Чирков перед грядущими поколениями больше иных социалистических художников. Сам того не осознавая. В силу своего действительно недюжинного таланта он восстал почти что гениально едва ли не главного виновника нашего вселенского коммунистического бардака и запустения — Максима с Нарвской заставы.

Вы, конечно, будете смеяться, но именно благодаря неустанным заботам таких, как Максим (имя это родители Григорий Козинцев и Леонид Трауберг не зря ведь придумали от латинского *maximus* — наибольший), мы сегодня маемся, сирые и убогие, на великих просторах действительно великой страны и в толк никак не можем взять, почему живет нам так паскудно при наших-то возможностях. А ведь упомянутые «родители», берясь за трилогию, честно предупредили о своих намерениях: «Мы хотим дать самостоятельное материальное и пока ничего не выдумывать. Из всей той груды материала, которую мы изучили, мы будем отбирать наиболее типичное, то, что характерно не для одного человека, а для десятков людей... Нужно показать, как выросла Октябрьская... Наш герой. Сейчас он командный состав (не старший, но и не рядовой) пятилетки...»

Далеко идущую коварность сих намерений постиг непростое. Еще сложнее представить себе, что именно по решающей инициативе максимов семь десятилетий строился в нашей стране высосанный из пальца общественный строй. Под их руководством возводились на голом энтузиазме Магнитка, Турксиб, ГУЛАГ и БАМ, передвигались горы, поворачивались реки вспять, воспитывались и перевоспитывались целые народы, а которые сопротивлялись, те уничтожались как классы. Максимами посланные, мы на танках помогали «братским народам строить социализм», а для внутреннего потребления создавали индустриализацию, коллективизацию, химизацию и электрификацию с помощью Чернобыля. Победа, целина, ракетный щит, космос и хрущобы тоже не обошлись без послышной ленты максимов. И сейчас они помогают нам всем строить светлое капиталистическое будущее с тем же

еще недавно строили будущее коммунистическое.

Многие скажут: у автора никак крыша поехала. Откуда столь невероятное, если не дикое, предположение? Неужели такой симпатяга, как Максим, пусть и не в смысле собирательного образа, способен на подобный вселенский монстринг? Не будем, однако, спешить с выводами.

Даже тем читателям, кто уже «врубился» в мой посыл, попервоначалу может показаться, что типажи Максима возник в грозном семнадцатом как верный и надежный помощник «комиссаров в пыльных шлемах». Не совсем так, а точнее — вовсе не так. Во-первых, среди самих комиссаров максимов было едва ли не больше, нежели легендарных жидо-масонов, которые якобы спровоцировали и свершили революцию. Во-вторых, ареал распространения максимов как подвидов хомо сапиенс — весь мир, и прашуры его поэтому восходят прямо к неандертальцам. Во всяком случае, когда племена последних рыли ямы и загоняли туда мамонтов для последующего съедения, то уже тогда находились хитрецы, не делавшие никакой полезной работы, зато при дележке трофея получавшие самые жирные куски. В древних Греции и Риме генетические прашуры Максима с помощью нехитрой, как бы теперь сказали, митинговщины организовали себе в достаточном количестве и хлеба, и зрелищ.

Полистайте дальше книгу истории рода человеческого, и на каждой ее странице вы найдете особую породу людей, которые не сеяли, не ковали, не строили и не строили, но жили себе в полное удовольствие. (Например, Тиль Уленшпигель. К слову, первоначально кинотрилогия про Максима и называлась «Тиль Уленшпигель с Выборгской стороны». Причем мы непременно обнаружите, что мы, славяне, по численности и особому качеству этой породы всегда были впереди планеты всей).

Помните нашего Емелю, лихо командовавшего шукой: по твоему, дескать, велению, но по моему хотению. Еще наши сказочно-былинные герои прекрасно умели взнуздывать коньков-горбунков, волков, меев-горынычей, ну и так далее. Это по части пахать или просто вкалывать они не оставили нам вдохновляющих примеров для подражания и были здесь Иванушками-дурачками, а что касается: встань передо мной, как лист перед травой, — тут им нет равных.

Нет, кроме шуток, ны в одном другом мировом эпосе вы не встретите такого множества и разнообразия героев-лодырей. Истари мы куда больше восхищались теми, кто «умел жить и ловчить», а не теми, кто мог ратовать и творить. Не случайно поэтому именно в Российской империи образовалась как бы надкритическая масса люмпенов-максимов, и полыхнула Великая Октябрьская. В других странах их вовремя образумили и водворили на соответствующее место. У нас они с кипящим, возмущенным разумом пошли на разрушение мира до основания и добились-таки победы, власти над себе подобными. И не то страшно, что неограниченной — кое-где и при монархии люди неплохо живут, — а то, что максимы сразу огнем и мечом начали строить общество под куцый аршин своего недалекого разума, наплевав на так называемые общечеловеческие ценности.

Взявшись за воспитание целого народа, а точнее, вступив с ним в решительную борьбу не на жизнь, а на смерть, КПМ (коммунистическая партия максимов) не гнушалась никакими средствами и методами. Страна превратилась в один сплошной «Котлован», так блестяще описанный Андреем Платоновым. В величайшую доверие была возведена экспроприация экспроприаторов — грабеж награбленного; война с инакомыслящими, несогласными учеными, военными, литераторами, прочей

Михаил Жаров и Борис Чирков в фильме «Возвращение Максима».

прать максимы проявили, сражаясь со своими принципиальными врагами — трудовым крестьянством. Лучшие его представители в полном соответствии с законами войны были уничтожены как класс и, похоже, навсегда. Для остальных был придуман ударный колхозный труд.

Еще КПМ придумала и усиленно внедряла в так называемый коммунистический труд, которым якобы занималось все население всего Советского Союза, так называемое социалистическое соревнование — уникальнейшее изобретение системы максимов. Годы, десятилетиями социальным соревнованием занимались не только рядовые максимы, но и максимы-маршалы, академики, кандидаты, директора, депутаты, военные, железнодорожники, аграрии, ученые, литераторы, управдомы, медики и даже создательные домохозяйки — боевые подруги максимов.

По логике вещей и по ежегодным итогам социальное соревнование мы уже в восьмидесятом году должны были жить при коммунизме, а значит, лучше всех в мире. Но то по логике, а мы во всем поступали вопреки ей. И потому главным отличительным показателем нашей зазеркальной по своей нелепости «состязательности» стали очереди за всем, что было нужно для жизни. Для смерти тоже. В итоге мы пришли к тому, к чему не могли не прийти — перестройке и гласности. Мы радовались как малые дети, совершенно не замечая при этом, что ведут нас к новой жизни опять-таки ушлые люди — максимы.

Примечательно, что до сих пор для большинства из нас Максим представляется в романтическом революционном ореоле — в сермяжноту, истинную суть героя мы никогда не заглядывали. Создало ему легендарную ауру, разумеется, все социалистическое искусство, но в решающей степени — знаменитая кинотрилогия с великолепным Борисом Чирковым. Ну а на самом деле каким был Максим в изображении талантливого актера?

Прежде всего — неучем. Глубоким и закоренелым. Ни одного кадра, где бы он сидел за партой или штудировал книги как источник знаний, вы не обнаружите ни в одной из трех серий. То есть образованием самостоятельным, тем более классическим, этот рубаха-парень никогда себя не утверждал, как, впрочем, и все революционеры-ленинцы. Девяносто девять из ста — самоуверенные, коварные недоучки, для большинства из которых церковно-приходская школа являлась первым и последним в их жизни университетом.

Катастрофически не изобилует трилогия и трудовыми буднями главного героя, которые по замыслу таких, как он, должны в будущем стать праздниками для нас. То есть вкалывать Максиму было так же противопоказано, как и вору в законе — для этого существовал

себе даже вообразить, так это серьезной выученности Максима на каком-то одном ремесле, которое передавалось бы от деда к отцу, сыну, внуку. Между тем весь цивилизованный мир стоит именно на такой перманентной непрерываемой сценке.

Далее Максим очень виртуозно, просто-таки трюкмейстерски играл на бильярде. Дымбу-контрфорс под орех (правильнее — под стол) раздался. Но кому же не известно, что умение играть в карты и бильярд — вернейший признак дурно проведенной молодости.

Интеллектуальный уровень Максима предельно красноречиво просматривается на его любимой песенке:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится — хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть.

На фоне незатейливости этих слов современные молодежные шлягеры, так нами поносимые, — серьезные сочинения про душевные людские переживания. Здесь же все фантастически, дебильно просто: голубой — головой, упасть — украсть.

Решимость, с которой Максим берется за любое дело, от организации выпивки до организации вооруженного восстания, — всегда граничит с сумасбродством. Его девиз по жизни, не декларируемый, а тот, которому всегда следовало, — любимая Лениным наполеоновская фраза: главное ввязаться в бой, а там кривая авось да выведет. Ну какой бы серьезный человек, ни бельмеса не смысла в финансах, возглавил бы банк? А Максим — с легкостью.

У меня есть знакомый банкир, успешно справляющийся с нынешними финансовыми бурями и штормами. Так он — кандидат медицинских и экономических наук, доктор философии, без пяти минут доктор экономики. Максиму любые профессиональные знания были до фени. Да и то, если официально считалось, что кухарке под силу управлять государством, то почему разбитый парень с Нарвской заставы не может порулить банком? Вот такие, как он, и нарушили нам социалистическую экономику на деревенных деньгах, которая без идеологической подпорки рухнула в одночасье.

Максим — это Остап Бендер в политике и общественной жизни. Однако несмотря на потрясающую схожесть, есть у них и серьезные различия. Остап, даже жульничая, исключительно в бытовой сфере, всегда чтит уголовный кодекс, исповедовал в силу своей «турецко-подданности» какие-никакие принципы и, наконец, имел большое, как у теленка, сердце. У Максима вместо сердца был пламенный мотор, а потому напрочь отсутствовали любовь и сострадание к себе подобным. Зато постоянно фонтанировала революционная идеология.

«оптимистические трагедии» — жуткое изобретение коммунизма.

Бандитское, разбойничье начало в Максиме, как я уже упоминал, никогда особенно и не скрывалось. Отсюда и поклонение создателей трилогии уленшпигелевщине. Вот примечательное в этом смысле признание самого Бориса Чиркова: «Они оба — Тиль и Максим вышли из народа и выражали черты, характер и стремления народные. А что касается романтичности, то она была необходима Максиму. Романтизм, по выражению Горького, есть преувеличение хорошего в человеке, а Максим, оставаясь живым паренком с рабочей окраины, все-таки был если не идеалом, то типом рождающегося человека нового времени. Хотелось «оторваться» немного от приземленности, от обыденности».

В конечном итоге и бандиты, и пророки выходят из народа. Больше неоткуда было взяться ни Тилу, ни Максиму. Оба они выражали черты, характер и стремления лишь очень незначительной части народа — даже по признанию Козинцева и Трауберга — «десятков людей». Потому что во все века в подавляющем большинстве своем простые люди разбоя никогда не приветствовали, пусть бы он прикрывался и очень благими намерениями. Максим вообще выражал чаяния лишь прослойки, о тонкости которой не раз печатно и изустно сожалел Ульянов-Ленин. Романтизм у обоих — да, был, но очень уж крутой, нахрапистый, от которого мурашки по спине бегут.

Прав Чирков и в том, что Максим стал типом нового человека. Потом, как известно, стараниями партии появилась еще новая общность людей. А уж совсем недавно мы стали свидетелями еще более нового типа хомо советикус — Лени Голубкова. Такой вот генезис от революционного романтика Максима.

Ну и, наконец, о том, что создателям трилогии о Максиме, прежде всего Чиркову, действительно удалось «оторваться» от приземленности и обыденности. Да так сильно и с таким напором, что и до сих пор очень многие наши соотечественники с восторгом чтут революционного романтика Максима, с усмешкой на лице легко и непринужденно решающего самые сложные проблемы человеческого бытия.

Он и в самом деле очень привлекателен, этот Максим. Даже просто симпатичный. Ему и сексуальные влечения, говоря нынешним сленгом, не чужды — все же мужика здоровьем Бог не обидел. Но опять-таки представить себе невозможно этого героя семейным. Чтобы детей растил, воспитывал, очаг домашний лелеял, из чего и нормальная жизнь общества произрастает. И подруга у Максима — под стать. Романтики-революционеры, одним словом. В мир пришли для того, чтобы освободить массы светлым будущим. А коли не захотят — наганом да кнутом их туда погнать. И гнали под веселый напев: «Крутится, вертится».

Зловещая символика заключается в том, что заканчивалась трилогия о Максиме akurat в самом кровавом и страшном для страны 1938 году, когда маховик репрессий набрал наибольшие обороты. И в другом фильме Чирков, сыгравший Максима, играл главного обвинителя «подлых псов-предателей»...

В итоге максимы подвели задание нашего государства и общества в целом гнилой, кривой и вообще черт-те какой фундамент. Иного — крепкого, надежного — они соорудить не могли по определению, по сущности своего менталитета, в основе которого всегда — не созидание, а разрушение перманентная борьба как способ их существования.

Крутится, вертится шар голубой... А в чем здесь, спросите вы, вина Чиркова? А в том, повторю, что талантливо, почти гениально сыграл своего Максима, чем по способствовал, сам того не ведая рождению тысяч, миллионов других максимов. И морочили они нам голову целых семьдесят лет. И долго еще будут морочить. Такие симпатичные парни, готовые к любым минутам наводнения на наш